

На мой взгляд, в этой фразе в трех из четырех случаев употребления формы *рече* она выполняет функцию указания на чужую речь; в русском языке эту роль выполняют кавычки, поэтому перевод формы *рече* формой *сказал* является излишним, русская фраза становится громоздкой и неуклюжей. По-моему, перевод должен быть таким: «Обрати внимание на великого законодателя Моисея, как он, беседуя о создании человека, являет Сына: Он говорил: “Да будет твердь”, “Да прорастит земля”, “Да изведут воды”; когда же пришло время говорить о [творении] человека, то он произнес: “И сказал Бог: *сотворим* человека”».

Среди знаков препинания, используемых в древнерусской письменности, кавычки, как известно, отсутствуют, и в то же время как будто нет такого знака, который указывал бы на то, что следующая далее речь является чужой или даже цитатой. Как свидетельствует текст Толковой Палеи, такую функцию выполнял глагол *рече*. Несомненно, эти наблюдения над употреблением аористой формы *рече* нужно продолжить над другими текстами, но уже и теперь можно сделать вывод о том, что древнерусские писцы хорошо различали свою и чужую речь и обладали достаточно развитой культурой обращения с чужой речью, культурой цитирования св. Писания и отцов Церкви.

² Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Слово V. Перевод Г. С. Баранковой. М., 1996. С. 161–162.

С. М. Шамин (Москва)

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КРУГОЗОР ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

Вопрос о том, как представляли себе окружающий мир люди допетровской России всегда, привлекал внимание историков. Историографию этой проблемы можно разделить на две группы. Одну из них составляют работы о различных произведениях русской книжности и персоналиях — переводчиках, путешественниках и т. д. В других трудах анализируется общий объем сведений, которые попадали в Московское государство в разные исторические периоды. Уже А. И. Соболевским дается подробный перечень переведенных в России географических сочинений¹. Следует также отметить работу Т. Райнова, в состав которой включен раздел о географических познаниях русских людей XVII века². Позднее данной темы касался Д. М. Лебедев³. Л. А. Алпатов посвятил одну из глав своей монографии «Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII в.» вопросу о том, что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй пол. XVII в.⁴. Н. А. Казакова одна из первых поставила задачу проанализировать информацию о западноевропейских

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

² Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков. М.; Л., 1940. С. 372–431.

³ Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.; Л., 1949.

⁴ Алпатов Л. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII в. М., 1973. С. 314–354.

странах в русской письменности XV–XVI веков⁵. В 1988 г. Е. И. Кобзарева изучила систему организации сбора и обработки в Посольском приказе информации о западноевропейских событиях с 1613 по 1700 г.⁶ Вышло также несколько работ, посвященных отдельным странам. А. М. Панченко и В. П. Степанов, исследуя текст «Истории вкраще о Бохеме, еже есть о земле Чешьской», анализируют, насколько велик был в России XV–XVII в. интерес к этой стране⁷. О. А. Белоброва, рассматривая «Кипрский цикл» в древнерусской книжности, выявила огромный по своему разнообразию пласт известий о Кипре в русской книжности и делопроизводственных документах XII – нач. XVIII в.⁸ Тем же автором изучен перевод «Италийских градов похвалы агличанина Фомы Еворда», выполненный в Посольском Приказе в кон. XVII в.⁹

Авторы перечисленных трудов стремились систематизировать доставленные в Московское государство сведения, а также выявить каналы, по которым информация о внешнем мире попадала из-за границы. Вопрос о том, как широко и в каких слоях русского общества эти известия распространялись, затрагивался лишь вскользь. Т. Райнов констатировал, что «в качестве самой слабой стороны русской географии XVII в., как оригинальной, так и переводной и компилятивной, следует отметить крайнюю ограниченность того круга, среди которого обращалась географическая литература. «Книга Большого Чертежа», несомненно, составляла достояние немногих официальных учреждений... Переводы западноевропейских географических сочинений делались для царя, патриарха и ближайшего их круга... Оттого наряду с элементами прогресса в географической продукции XVII в. встречаются элементы застоя, наряду со смелыми открытиями существуют устарелые и фантастические установки и понятия, масса единичных познаний не имеет ни повода, ни возможности сомкнуться в единую картину»¹⁰. К сожалению, исследователь сделал вывод о крайней узости круга распространения географических сочинений чисто умозрительно. Систематического выявления подобных произведений в архивах и рукописных собраниях им не проводилось.

Е. И. Кобзарева указывает, что в Посольском приказе даже доступная информация в некоторых случаях могла фактически оказаться невостребованной. Так, при отправке С. Дохтурова в Англию были учтены далеко не все сосредоточенные в Посольском приказе сведения об этой стране¹¹. Таким образом, обзор обобщающих работ показывает, что вопрос о реальном распространении попадавших в Россию сведений о чужих странах требует внимательного изучения.

Иногда исследователи затрагивали проблему «персонализации» знаний об окружающем мире, работая над какой-то узкой научной задачей. При анализе выполненного Н. Спафарием перевода географии в виде колоды карт О. А. Белоброва указала, что «только один раз древнерусский перевод показывает неосведомленность Николая Спафария: земля Лабрадор [...] в описании Новой Франции превратилась в «Трудные земли». В других случаях переводчик вносит необходимые уточнения, например, вместо «Natolic» применяет название «Анатолисия»»¹².

⁵ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории литературных связей России. Л., 1980.

⁶ Кобзарева Е. И. Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–22; Она же. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. АКД. М., 1988; Она же. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1988.

⁷ Панченко А. М., Степанов В. П. «Истории вкраще о Бохеме, еже есть о земле Чешьской» // ТОДРЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960. С. 304–313.

⁸ Белоброва О. А. Сказание «О Кипрском острове» — неизвестный литературный памятник XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1962. Т. XVIII. С. 117; Она же. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972.

⁹ Белоброва О. А. «Италийских градов похвала агличанина Фомы Еворда» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 136.

¹⁰ Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков. С. 430–431.

¹¹ Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С. 173.

¹² Белоброва О. А. География в виде колоды карт (Из переводческой деятельности в Москве Николая Спафария) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIII. С. 117.

Согласно наблюдениям Р. А. Симонова в последней четверти XVII века в России широко распространяются глобусы и изображения земного шара¹³. Ту же проблему затронула Ю. Н. Звездина в статье «Два глобуса из имущества свт. Дмитрия Ростовского и глобусы в духовной культуре XVII в.»¹⁴. Исследуя творчество Игнатия Римского-Корсакова и А. И. Лызлова, А. П. Богданов поднял вопрос об их историко-географической эрудиции¹⁵.

М. Е. Бычкова целенаправленно рассматривает проблему распространения географических знаний среди русских дворян, основываясь на материалах родословных документов XVI–XVII в. Исследовательница приходит к выводу, что в родословных росписях XVII в. получает распространение новый сюжет — описание соседних стран, из которых вышел на службу в Москву родоначальник фамилии. Такие росписи составлялись представителями дворянских семей, которые выдвинулись по службе только после Смуты и в 1680-е г., т. е. после отмены местничества впервые подавали в Палату родословных дел (1682–1686) свои родословные документы. Наиболее полные описания европейских стран стали появляться в легендах, где предку рода приписывалось происхождение из Италии (хотя упоминаются также Литва и Прусы). Каждая из подобных легенд приводит собственный набор местностей Италии, как-то созвучных с русскими фамилиями, и объясняет происхождение фамилии именно от итальянских географических названий.

Автор делает выводы, что в рассматриваемый период русское дворянство начинает сознавать себя частью общеевропейской истории. Осознание своей принадлежности к истории соседней с Россией страны требовало конкретной географической привязки. В связи с этим в родословных появляются упоминания о жизни предков не просто в соседних государствах, а в конкретных местах, об основании конкретных городов и т. п. Все приведенные сведения почерпнуты из родословных семей, принадлежащих к дворянско-административным кругам, что указывает на уровень знаний и мировоззрение именно этой среды¹⁶.

Если родословные росписи отражают познания русского дворянства, то переводы иностранных газет и летучих листков (в русской терминологии второй половины XVII в. «куранты») позволяют нам выяснить, как хорошо представляли географию окружающего мира переводчики Посольского приказа и участники заседаний Боярской думы. По наблюдениям А. И. Соболевского первые перевод иностранных «летучих листков» стали появляться в Москве еще с конца XV в.¹⁷ Н. А. Казакова отмечает наличие таких материалов в России уже в 20-е г. XVI столетия¹⁸. Однако только с начала XVII в. появление европейских «летучих листков» и газет перестало быть исключительным явлением¹⁹.

В 1665 г. голландец Jan van Sweeden (именуемый в Москве Ян ван Свиден, Ян Вансвиден, Иван Шведов) по договору с приказом великого государя Тайных дел организовал постоянную пересылку корреспонденции между Москвой и Ригой. После заключения Андрусовского перемирия (1667) в 1669 г. начала свою работу вторая, Виленская почта. Одной из основных задач русской почты была доставка в Посольский приказ иностранных газет²⁰.

В данной работе автор рассматривает только куранты периода правления Федора Алексеевича (1676–1682 г.)²¹. Прежде чем объяснить методику нашего исследования, целесообразно остановиться на том, что же представляли собой куранты в данный период времени.

¹³ Симонов Р. А., Кузаков В. К., Кузьмин М. К. Естественные знания // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 56.

¹⁴ Звездина Ю. Н. Два глобуса из имущества свт. Дмитрия Ростовского и глобусы в духовной культуре XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 260–264.

¹⁵ Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 97, 98, 463, 464.

¹⁶ Бычкова М. Е. Географические знания в России XVI–XVII веков // Исследования по истории России XVI–XVII в. М., 2000. С. 22–26; Она же. Легенды московских бояр. М., 1997. С. 23–28.

¹⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. С. 233.

¹⁸ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории литературных связей России. С. 131.

¹⁹ Вести-Куранты. 1600–1639 г. / Под ред. Коткова С. И. М., 1972.

²⁰ Шамин С. М. Письма, грамотки, куранты. Первые регулярные почты в России // Родина. 2001. № 12. С. 10–15.

В 1676–1679 г. почта из Вильно в Москву шла от восьми до десяти дней, из Риги — до одиннадцати дней. После прочтения в Посольском приказе из иностранных газет переводилась примерно пятая часть сообщений. Отбором материалов для перевода и самим переводом занимались переводчики Посольского приказа. На полях курантов напротив слов, понимание которых могло быть затруднено, переводчики делали комментарии географического, политического и социально-экономического характера. В русских текстах курантов название газеты, из которой было взято то или иное сообщение, не упоминалось. Между тем, в заглавии каждой статьи указывалось, откуда это сообщение пришло.

Черновики перевода «тот час» переписывались в Донском поветье Посольского приказа в 2-х экземплярах. Один из них зачитывался на очередном заседании Боярской думы, другой предназначался государю²². Некоторые черновики переводов имеют следы правки, причем иногда довольно сильной. Она могла производиться опытными переводчиками, проверявшими работу начинающих коллег, или кем-то из руководства приказа. Сравнение чистовых и черновых экземпляров курантов позволяет констатировать, что в комментариях какие-либо существенные изменения вносились очень редко.

В курантах 22 января 1681 г. пояснение к слову «Неаполь» — «во Италии короля гишпанского» — было в черновике другими чернилами заменено на «во Италии французский город» (правка ошибочна, т. к. Неаполь входил в состав королевства Обеих Сицилий, принадлежащего Испании). В переводе 5 февраля 1681 г. к названию «Гага» было добавлено «галанской», а к прилагательному «трипольских» — «турской»²³. Два дополнения внесено в мае — о. Канди (Кандия, соврем. Крит) помечен как «турской», а слово «Босфор», первоначально прокомментированное как «некое море», — вычеркнуто. Две незначительных поправки отмечены за июнь. В слове «Поморской» второе «о» заменено на «е», а в названии «Брусель» — «у» на «и».

Только в одной из октябрьских почт 1681 г. количество дополнений было значительным (9), однако 7 из них касались населенных пунктов, упомянутых в тексте статей, их географическое положение было и так понятно из текста, а одно из названий в заглавиях — «Копенгаф» — в других курантах комментировалось довольно редко²⁴. В целом, дополнения неизвестного редактора (редакторов?) можно охарактеризовать как незначительные. Таким образом, точность комментариев к топонимам позволяет нам выяснить средний уровень политико-географических познаний переводчиков Посольского приказа (курсив мой. — С. Ш.).

На заседании Думы и царю текст сообщал думный дьяк (по крайней мере, один такой случай зафиксирован источником). Руководивший Посольским приказом Ларион Иванов не был профессиональным дипломатом. Он нуждался в комментариях не меньше, чем его слушатели. Вероятнее всего, что куранты, так же как и другие документы, зачитывали думные дьяки, которые были докладчиками и выполняли секретарские обязанности на заседаниях Думы²⁵. Это значит, что в круг адресатов помет на полях курантов входили царь и думские чины.

В русских текстах курантов ярко заметна общая тенденция — если географическое название в заглавии статьи было хорошо известно (Царьград, Рим) — его оставляли без пометы, а наименования менее значительных городов в большинстве случаев сопровождалось комментариями. Это объясняется тем, что адресатам курантов было очень важно знать, откуда пришло сообщение, чтобы оценить степень его значимости и достоверности. Такое наблюдение позволяет установить, как хорошо каждый конкретный топоним был известен читателям, а точнее, слушателям курантов,

²¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8.; 1677 г. Д. 7.; 1678 г. Д. 4.; 1679 г. Д. 5.; 1680 г. Д. 4.; 1681 г. Д. 5.; 1682 г. Д. 5.

²² Подробнее о курантах периода правления Федора Алексеевича см: Шамин С. М. Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х г. АКД. М., 2003.

²³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 167–176, 187–198, 231, 133–263, 285–296.

²⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 167–176, 187–198, 231, 133–263, 285–296.

²⁵ Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа. М., 2001. С. 83, 84.

— царю и членам Боярской думы. Ставя или не ставя помету, переводчик фиксировал на бумаге свою оценку знаний правящих страной людей. Если название то сопровождалось, то не сопровождалось пометой, можно предположить, что переводчики колебались в своих оценках или мнения разных переводчиков о географической грамотности начальства расходились между собой. *Сведенные воедино данные таких помет — комментарии позволяют делать выводы о среднем уровне политико-географических знаний членов Боярской думы (курсив мой. — С. Ш.).* Это был уровень, который считался нормой, хотя у разных думных людей объем и состав «географического багажа» был, конечно же, индивидуален.

Тексты сообщений, так же как и заглавия, содержат значительное количество топонимов. Они сопровождалось пометами лишь в отдельных случаях. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, название могло оказаться хорошо известным; во-вторых, во многих случаях географическое положение населенного пункта было понятно из текста сообщения; в третьих, зачастую интерес вызывало само описанное в статье событие, а не место, где оно произошло. Опираясь только на топонимы из текстов статей, мы не можем утверждать, что какое-то название было известно адресатам курантов, но если топоним регулярно встречается в сопровождении комментария, возможно с уверенностью отнести его к числу малоизвестных. При анализе географических знаний проводились также подсчеты непрокомментированных названий в текстах курантов: это помогло более точно интерпретировать другие данные.

Одна из наиболее сложных проблем заключается в том, каково должно быть минимальное количество упоминаний данного названия, чтобы ошибка метода не оказывала значительного влияния на конечный результат. Дело в том, что в отдельных случаях переводчики отступали от принятых ими самими норм. В нескольких почтах механически снабжены пояснениями все названия в заглавиях. Отмечены и факты, когда названия в заглавиях, которые во всех других случаях комментировались, неожиданно оставались без пометы. Если в одной почте присутствовало несколько сообщений из одного и того же города, то переводчик мог произвольно прокомментировать их все или только какую-то часть. В разные месяцы одного и того же года процент комментирования одного и того же названия мог меняться. Вероятно, все это было связано с разными субъективными факторами, которые источниковая база пока не позволяет выявить.

При анализе географических названий есть и трудности другого характера. Серьезную проблему представляет упоминание в заглавиях городов с одинаковыми (или имеющими тождественное написание при разных ударениях) названиями. Например, Верден. Один город с таким названием находился во Франции, а другой в Бременской земле. В Германии было два Франкфурта (на Майне и на Одере). Даже весьма далекие по своему звучанию топонимы (например английский «Лондон» и шведский «Лунд») могли иметь в курантах идентичное написание. Список городов «двойников» можно легко продолжить. Контекст, который помог бы идентифицировать город, в заглавиях корреспонденций отсутствует. К счастью, таких названий меньшинство.

Создает затруднения также отсутствие у составителей курантов устоявшихся правил написания большей части географических названий. Даже такое простое и часто употребляемое название, как «Париж» («Парис»), имело два написания. Остров Рюген упоминается в пяти разных транскрипциях, которые имеют между собой лишь отдаленное сходство. Ряд из них уверенно идентифицировать удалось только благодаря историческому контексту. Если название упоминается регулярно, то возникает возможность, опираясь на контекст статей, учесть все его разночтения. Если же речь идет о единичном топониме в заглавии или если контекст статьи не позволяет четко его идентифицировать, то появляется возможность ошибок в локализации географических объектов.

Нужно учитывать еще и то, что многие названия переводились не один раз. Для сообщений на итальянском, французском и др. языках сначала делался перевод на язык газеты — немецкий или голландский. В Москве же названия второй раз переводились с голландского или немецкого языка на русский.

Наличие в курантах большого количества вариантов в написании топонимов создают еще и проблему технического характера: обилие разночтений не позволяет при написании исследования строго следовать терминологии источника. Использование же современной географической номенклатуры стало бы неоправданной модернизацией. К тому же для части названий из курантов в современном русском языке устоявшихся наименований так и не возникло. В научной литературе можно встретиться с употреблением разных вариантов одного топонима (иногда даже в рамках одного сборника). К примеру, А. Хлевов отметил, что «в русском языке до сей поры не сложилось устойчивой и непротиворечивой системы передачи как скандинавских географических названий, так и скандинавских имен собственных. ... Даже переводы саг середины 1950-х и конца 1970-х г. порой дают противоречивые варианты написания и огласовки весьма важных имен и топонимов в кириллической транскрипции. ... Допустимыми считаются названия исторической провинции Ямтланд, Емтланд, а у Стрингольма в переводе находим параллельное и столь же адекватное, хотя и чересчур буквальное Йемтланд. И та, и другая, и третья версии правильны и достойны продолжать свое существование, и дело специалиста — выбрать ту, на которой остановится его взгляд (тем более, что порой в тексте перевода попадаются разночтения в одних и тех же именах и названиях)»²⁶. В курантах же можно найти еще один вариант этого топонима — «Емтерляндская земля». Поэтому автору представляется целесообразным использовать в тексте только один вариант названия, обычно тот, который устоялся в исторической литературе. Если же это оказывается невозможным, то используется наиболее распространенное в источнике или близкое к оригиналу написание.

Изложенные выше ограничения не позволяют делать выводы о географических представлениях членов русского правительства на основании единичных наблюдений. Но насколько они должны быть множественны? Анализ топонимов, которые упоминаются в курантах несколько десятков раз (всего для такого анализа пригодны 14 топонимов, см. табл. ниже), позволяет утверждать, что получение адекватного результата возможно при наличии не менее пяти упоминаний данного названия в заглавиях статей. Если название упомянуто в тексте в сопровождении комментария, то его тоже можно учитывать при подсчетах.

Всего было проанализировано 607 топонимов. В ходе исследования привлекалась не вся топонимика курантов рассматриваемого периода. Если у автора при интерпретации топонима возникали сомнения, то для избежания ошибок это название исключалось из статистических подсчетов.

73,27 % названий упоминается в курантах по одному разу, 21,78 % — до десяти раз. Только четыре названия (0,66 %) за шесть лет царствования Федора Алексеевича упоминаются сто раз и более. Отсюда можно сделать вывод, что куранты не могли самостоятельно формировать политико-географических представлений. Они отражали *уже существующий интерес* к какому-либо региону мира, способствовали закреплению и расширению усвоенных ранее знаний.

48 названий географических объектов полностью удовлетворяют требованиям, необходимым для исследования — они не менее 5 раз упомянуты в заглавиях статей или прокомментированы в тексте. Как видно из таблицы, все они относятся к европейским государствам. Азиатская топонимика представлена в курантах слабо и не дает материала для сколько-нибудь точных выводов.

Топонимы курантов

(названия в таблице расположены по частоте упоминания в заглавиях без комментариев)

название	кол-во названий в заглавиях	% названий упомянутых в заглавиях помет	кол-во названий в текстах статей	% названий упомянутых в тексте без помет
Белая церковь	11	100	14	100
Варшава	94	100	18	100
Венеция	117	100	3	100

²⁶ Хлевов А. Предисловие научного редактора // А. Стрингольм. Походы викингов. М. 2002. С. 12.

Вильно	5	100	1	100
Королевец (Кенигсберг)	7	100	7	71
Львов	74	100	18	100
Рига	10	100	20	100
Рим	23	100	17	100
Царьград (Константинополь, Стамбул)	5	100	85	100
Яворов	22	100	26	96
Стокгольм	51	98	39	100
Вена	159	95,6	23	100
Амстердам	76	93,4	2	100
Гродно	13	92,3	6	100
Гданьск	68	91,4	19	95
Гамбург	84	89,3	7	100
Эльба	43	81,4	2	100
Копенгаген	96	75	22	86
Берлин	16	68,8	16	75
Париж	66	68,2	20	95
Гаага	60	66,7	7	71
Лондон	42	64,3	8	63
Нимвеген	21	61,9	16	69
Штеттин	18	50	41	76
Линц	10	30	6	33
Кельн	19	26,3	3	67
Франкфурт	19	26,3	4	100
Страсбург	18	22,2	22	81
Брюссель	15	20	4	50
Стралзунт (Штралзунт)	5	20	12	58,3
Эльзас	6	16,7	9	78
Регенсбург	8	12,5	8	50
Дрезден	3	0	6	50
Зунт (Зунд)	2	0	7	57
Ланцкрон (Ланцкруна)	8	0	13	77
Лейпциг	2	0	9	33
Мадрид	9	0	4	75
Мальм (Мальме)	2	0	24	67
Мец	1	0	11	64
Минден	3	0	4	25
Росток	4	0	2	0
Штутгарт	5	0	-	-
Варадын (Варад)	-	-	5	0
Готтенбурх	-	-	10	50
Норвежская земля	-	-	14	64
Омер (Сантомер)	-	-	14	57
Рюген о.	-	-	17	65
Христианштат	-	-	30	83

Анализ топонимов был начат с подсчетов частоты употребления каждого из 48 упомянутых выше названий в заглавиях статей с пометами и без помет. При этом удалось выявить несколько групп названий с разной частотой комментирования. В первую группу вошли топонимы, которые в 100 % случаев оставались без помет на полях (10 случаев). Очевидно, эти названия были известны всем очень хорошо. Помещенный рядом с ними комментарий просто вызвал бы недоумение. К

ним примыкают географические названия, которые остались без комментариев в 81,4 – 98 % содержащих их заглавий (7). Вероятно, они были известны почти так же хорошо, как и первые. Все вошедшие в эти группы города имеют в русских текстах курантов устойчивое русское наименование.

Эти топонимы объединяет одна особенность. Вне зависимости от частоты упоминаний они практически не комментировались в тех случаях, когда встречались в тексте сообщений. За годы правления Федора Алексеевича отмечено всего четыре факта, когда указанные названия снабжены пометами при упоминании в текстах статей. Однако эти факты имеют случайный характер²⁷.

Третью группу топонимов составляют названия, не сопровождающиеся в заглавиях комментарием в 61,9–75 % случаев их упоминания (6 топонимов). Все эти названия встречаются в сопровождении помет не только в заглавиях статей, но и в тексте. В среднем по этой группе пояснено на полях курантов 21,88 % названий из текстов статей. Очевидно, переводчики, решая, известно или неизвестно это слово большей части членов Думы, испытывали колебания или расходились между собой во взглядах.

Наконец, к последней группе относятся наименования населенных пунктов, оставшиеся без пометы менее, чем в 30% случаев. Для членов Боярской думы ясное понимание этих топонимов было скорее исключением, чем правилом. Причем ярко прослеживается закономерность: чем чаще слово упоминается в курантах, тем больше процент пропусков комментариев. Все это объясняется погрешностью метода, связанной с отсутствием в практике делопроизводства четких правил комментирования географических названий. Если неизвестный топоним упоминается в заглавиях более 9 раз, то обязательно встречаются случаи, когда он остается без комментария. Эти отступления от нормы составляют до 30 %, а обычно около 20 % (редко меньше). Следует отметить, что в тексте статей курантов топонимы этой группы снабжались комментариями гораздо чаще, чем в предыдущей группе – в среднем в 43 % случаев. Мы с уверенностью можем утверждать, что переводчики оценивали эти населенные пункты как неизвестные царю и думным чинам.

С учетом этого перейдем к анализу знаний царя и думных чинов о *политической географии* европейских стран. При прочтении курантов выделяется серия топонимов, которые многократно встречаются в тексте и хорошее знание которых очевидно при первом же знакомстве с источником. Подсчетов по ним не производилось. В первую очередь, это названия таких крупных независимых государств, как «Французская земля», «Галанская земля» и т. д. Схожая ситуация прослеживается с некоторыми зависимыми землями: Семиградской, Волошской, Молдавской, Венгерской, Курляндской, Лифляндской, Финской, Ижорской, Карельской, Подолией, Украиной и Сечью. Из статистических подсчетов исключены российские в это время города Киев, Чигирин, Москва, Смоленск, Новгород, Псков и Архангельск.

Теперь рассмотрим те топонимы, которые многократно встречаются в источнике и были хорошо известны членам Боярской думы. Из десяти городов, которые во всех заглавиях остались без комментариев, пять польских²⁸: Варшава, Львов, Яворов, Белая Церковь, Вильно. К этому числу

²⁷ Среди них Королевец прокомментирован в текстах дважды, причем один раз в письме виленского почтмейстера Бисинга. Таким образом, мы сталкиваемся не с работой переводчиков Посольского приказа, а с оценкой иностранца. В другом случае он помечен как шведский город. Скорее всего, имеется в виду одноименный город в Швеции. Третий случай – снабжение комментарием названия «Яворов». Здесь мы опять сталкиваемся не с пометой переводчика, а с вторичной правкой, о чем речь шла выше. Объяснения потребовало и упомянутое в тексте статьи слово «Гданьск». Сопровождающая его помета весьма необычна. Вместо традиционной в курантах для польских городов пометы «польской» или «короля польского» (в большинстве случаев пояснения на полях отмечают страну – «свейской», «французской» и т. д. или ее суверена – «гишпанского», «папин» и т. д.), указано, что Гданьск «под защитением короля польского». Помета должна была указать на самостоятельность города в составе Речи Посполитой, а не сообщить о его месторасположении. Все это позволяет предположить, что топонимы первой и второй групп, по оценкам переводчиков курантов, в пояснениях не нуждались.

²⁸ Автор выражает благодарность К. А. Изотовой за помощь в идентификации польских топонимов. В ходе подсчета топонимов не учитывались прилагательные от названий «Вильно» и «Рига» в заглавии курантов при указании места присылки почты – «Виленская почта» и «Рижская почта».

следует добавить Гродно и Гданьск, которые остались без комментариев в названиях соответственно в 92,3 и 91,4 % случаев. Причем в большинстве помет переводчики хотели не просто указать, чьи это города, а подчеркнуть их особый статус. Гродно был прокомментирован как «литовской», а Гданьск в половине случаев как «вольной» или «под защитой короля польского». В этот список можно включить и Краков. Средневековая польская столица упомянута в курантах без комментариев десять раз (в том числе четырежды в заглавиях статей). Значение этого перечня польских городов очевидно — в него вошли политические и торговые центры Польши, а также пограничные города.

Без комментариев остались названия трех столиц Средиземноморского региона: Рим, Царьград и Венеция. Столица Православия (и Османской империи) — Царьград, так же как католический Рим уже не одно столетие были для русских знаковыми городами, вызывавшими целую гамму сильных чувств и непроходящий интерес. Венеция — крупнейший торговый и культурный центр Средиземноморья, один из самых давних и непримиримых противников Турции, а следовательно, желанный союзник России. Последние два города, лишенные комментариев в названиях статей, — Рига и Королевец (Кенигсберг) — важнейшие центры на пути морской торговли по Балтийскому и Северному морям. Гданьск, следующий пункт в этой цепочке, уже назван выше. Кроме Риги, в заглавиях статей курантов регулярно упоминаются два других прибалтийских города: Ругодив и Юрьев Ливонский. Все они по три раза упомянуты в заглавиях статей без комментариев. Ругодив и Юрьев Ливонский упомянуты в текстах по пять раз без помет. Их также можно причислить к хорошо известным городам. Если обратиться к пометам переводчиков, то в пояснениях к названиям восемнадцати польских, курляндских и других восточно-прибалтийских городов, которые удалось точно идентифицировать, переводчики не сделали ни одной ошибки.

Во вторую группу названий попали еще два торговых центра, лежащие уже недалеко от побережья Северного моря, — Амстердам и Гамбург (количество названий в заглавиях без комментариев соответственно 93,4 и 89,3%). Причем переводчики четко представляли себе, что Гамбург имеет статус вольного имперского города. Из девяти помет только две называют его «цесарским». В остальных же он фигурирует как «вольной» (дважды), «в цесарской земле», «вольной цесарской» (дважды), «вольной немецкой» и даже «вольной в датской земле». Последняя ошибка одного из переводчиков показывает, что этот город в Москве воспринимали как независимый и не очень четко представляли, под чьей юрисдикцией он находится. Кроме перечисленных выше, во вторую группу названий входят еще только две столицы: Стокгольм (Стекольна) — 98 % названий в заглавиях без помет и Вена — 95,6 %.

В третью группу входят названия, в отношении которых переводчики испытывали колебания, следует ли их пояснять. Среди них оказались почти исключительно столицы: Копенгаген, Берлин, Париж, Гаага и Лондон. Исключением в данном перечне оказывается только Нимвеген. Здесь проходили мирные переговоры между представителями воюющих коалиций (Франция и Швеция воевали со странами Габсбургской коалиции, этой теме посвящена значительная часть курантов периода правления царя Федора Алексеевича). В отношении Нимвгена в одном из восьми комментариев переводчиком была допущена ошибка. Характерно, что названные выше торговые центры Голландии и Бранденбурга — Амстердам и Королевец оказались известны членам Боярской думы лучше, чем наименования столиц этих стран — Гааги и Берлина.

Особняком среди других географических названий стоит город Штеттин в шведской (западной) Померании. Он упомянут в заглавиях 18 раз и прокомментирован ровно в половине случаев. Кроме того, отмечено 41 упоминание этого топонима в текстах статей (в том числе девять с пометами). Большинство упоминаний Штеттина относится к 1676—1677 г., когда от результатов его осады во многом зависели итоги боевых действий на севере Европы и политическая атмосфера на северо-западной границе России. В данном случае мы имеем дело с так называемой «временной эрудицией». Она возникает, когда вокруг второстепенного географического пункта происходят события общеевропейского значения.

Такие города, как Кёльн, Франкфурт, Страсбург, Регенсбург, Дрезден, Минден, Лейпциг, Росток, Готтенбурх, Штутгарт, Линц, Мец, Брюссель, Сент-Омер, Мадрид, Варадын, Висмар, Мальмё, Штральзунт, Ланцкрон, Христианштат, а также несамостоятельная в ту пору Норвегия, судя по пометам на полях курантов, были недостаточно знакомы большинству членов Боярской думы, чтобы оставлять их без политико-географических пояснений.

Любопытно сравнить данные, полученные на материалах курантов, и составленное переводчиком Посольского приказа А. А. Виниусом в 1667 году сочинение, названное «О столицах нарочитых городов и славных государств, и земель, и островов, и проливов и знатных мест. Сухими и водными путями колико имут разстояние Российского государства от первопрестольного, его царского величества града Москвы по размеру книги, именуемья водных мер и иных принадлежащих к нему по алфавиту росписано Андреем Андреевым сыном Виниусом»²⁹.

Куранты не содержат сведений, позволяющих анализировать топонимику Африки, Азии, Греции, Крыма. По этому из «дорожника» Виниуса для сопоставления было отобрано тридцать шесть названий европейских городов. Из них только восемнадцать не менее 5 раз упомянуты в заглавиях статей курантов или прокомментированы в тексте. В число этих восемнадцати названий вошли почти все топонимы курантов из первых трех групп, выделенных выше, то есть те, о которых члены Боярской думы имели более или менее точное представление. Из хорошо известных (судя по курантам) царю и боярам городов в сочинение Виниуса не попали прибалтийские и некоторые польские города (Яворов, Белая церковь, Вильно, Львов, Гродно). Очевидно Виниус не считал их достаточно «нарочитыми» и «славными». Не включил Виниус в свое сочинение и относительно хорошо известный думским чинам в царствование Федора Алексеевича Нимвеген. Этот город приобрел известность в связи с международными переговорами уже после 1667 года. Топоним «Мадрид» вошел в «дорожник». Но при переводе статей для курантов он обычно снабжался комментарием и, следовательно, не был известен основной части думских чинов.

Скорее всего то же самое можно сказать и о большинстве городов, включенных Виниусом в свое сочинение, но оставшихся за пределами корректной для курантов статистической выборки.

В связи с этим мы можем констатировать, что все (за исключением Нимвегена) известные думским чинам города «дальнего зарубежья» были признаны Виниусом «нарочитыми» и «славными». Менее важные города царь и бояре знали только в пределах «ближнего зарубежья» — в Польше и Прибалтике. Составленный Виниусом перечень «нарочитых» городов превышает реальные знания большинства членов Боярской думы.

Теперь обратимся к тем пометам переводчиков, которые позволяют составить определенное представление об их собственной профессиональной квалификации. Если Берлин, столицу курфюрста Бранденбургского, в пометах всегда называли бранденбургским городом, то из восьми других населенных пунктов Бранденбурга, которые удалось идентифицировать, два (Минден и Магдебург) назывались то «бранденбургскими», то цесарскими. Кроме того, «баранденбургским» (во втором случае «померским») в пометах назван шведский Вольгаст в Западной Померании. Город в тот момент занимали бранденбургские войска, хотя юридически он принадлежал Швеции. Название самой Померской (Поморской) земли в курантах поясняется дважды. В одном случае в заглавии «Померская Западная земля» помечена как «цесарская». Факт ее раздела между Бранденбургом и Швецией по Вестфальскому миру (1648 г.) переводчики игнорируют, хотя им известно о принадлежности западно-померанских Штеттина и Штральзунда Швеции. Еще один раз название «Померской земли» пояснялось в тексте статьи, сообщавшей о боевых действиях против Швеции. В помете стояло — «бывала цесарская». Вероятно, переводчик хотел подчеркнуть справедливость военных действий против Швеции. В остальных 14 случаях, когда это название встречалось в текстах, его оставляли без помет. Более

²⁹ Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. М., 1992. С. 166–169; Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. I. С. 226; РГБ. Музейное собр. Ф. 178. Л. 296–314.

того, его использовали для уточнения места расположения других географических пунктов. Граничащая с Померанией Мекленбургская земля один раз была прокомментирована как «вольное княжество», а в другом случае переводчик указал, что она находится «в Померской земле». Расположенный там же Росток дважды помечен как «вольной цесарский», и по одному — «бранденбургской», «свейской», «датской» и «немецкой». Последняя помета во всех случаях однозначно показывает, что переводчик очень слабо представлял, в чьих владениях расположен город.

Ошибочные пометы в отношении Ростока были сделаны из-за ориентации на содержание статей. По той же причине Ютландия и Норвегия, которые принадлежали датской короне, на полях курантов были обозначены как шведские. Путаница с определением принадлежности Норвегии была вызвана тем, что боевые действия происходили в Емтланде (Емтерляндская земля), который до 1645 г. входил в состав Норвегии, и лишь после был аннексирован Шведским королевством. В четырех других случаях принадлежность Норвегии указывалась правильно. В отношении девяти других скандинавских топонимов (городов и земель), которые удалось идентифицировать, ошибок допущено не было.

Во всех случаях переводчики фиксировали не юридическую принадлежность территории, а ее реального владельца. Например, рядом с названием «Шконская земля» (Сконе), где велись боевые действия между Швецией и Данией, стояла помета «часть за шведами, а часть за датчанами». Иногда (но всегда с оговоркой) указывался прежний владелец территории. Например, Ландцрон — «ныне датский, а был свейский». Очень редко указывалось географическое расположение — например, «в Померской земле». В одном случае, когда жители Штральзунда не пустили в свои стены разбитого на Рюгене шведского генерала Кениксмарка, переводчик, привыкший характеризовать этот город как «свейский», с удивлением отметил, что Штральзунд «бывал под свейскою обороною».

Сходную картину можно заметить, рассматривая топонимику другого имперского курфюршества Саксонии. Его столица Дрезден упоминается с пометами шесть раз: всегда как «саксонской» или как «курфюрстера саксонского». Лейпциг, другой крупный саксонский город, в одном случае из шести помечен как цесарский, а не как саксонский. Среди трех других, точно идентифицированных саксонских топонимов, два обозначены как цесарские. Ена (Иена) же, названная саксонской, находилась в Тюрингии на границе с Саксонией и в ее состав не входила. Кельн, столица архиепископства — курфюршества, только в 7 случаях из 16 сопровождается пометой «курфюрстера колинского», чаще переводчики называли его цесарским городом. Столицы двух других влиятельных архиепископств — курфюршества Майнца и Трира — отмечены как принадлежащие собственным курфюрстам. Сообщил переводчик и о принадлежности Трирскому курфюрсту Кобленца.

Конец XVII в. был временем заката вольных немецких городов. В составе Ганзейского союза оставались только три имперских города: Бремен, Гамбург и Любек. Последний из них захирел, а первый в 1654 г. был вынужден принести присягу шведскому королю, владевшему по Вестфальскому миру Бременской землей. Название Бремена трижды сопровождается пометами: «цесарский», «вольный» и «вольный цесарский», — а Любека дважды: «цесарский» и «вольный цесарский».

Страсбург в 18 комментариях только дважды был назван «вольным цесарским», а в остальных его характеризовали как «цесарский», «цесарский под французским» (после его захвата Людовиком XIV) и, наконец, «ныне французский». Вольный Регенсбург, место заседания имперского парламента, — в семи из девяти помет назван цесарским, в одной — вольным цесарским и в одном из-за ошибочной интерпретации содержания статьи — цесарским в Венгерской земле.

Приведенные выше пометы к немецким топонимам позволяют сделать вывод о двойственном отношении переводчиков Посольского приказа к Священной Римской империи германской нации. С одной стороны, ее рассматривали как единую цесарскую державу, а с другой — понимали призрачность этого единства. Наследственные владения Австрийских Габсбургов в Посольском приказе обычно тоже называли «цесарскими». Автору удалось идентифицировать семь таких топонимов в немецких и чешских землях.

Иначе обстояло дело с венгерскими владениями Габсбургов. В Посольском приказе с большим вниманием относились к венгерскому восстанию против венского правительства. Это отразилось в пометах на полях курантов. Среди трех городов, которые находились в восставших венгерских областях цесарской державы, Эпериес (Прешов) назван венгерским, Шемниц (Банска-Штьявица) — «в Венгерской земле», Найзол (Банска-Бистрица) — дважды «венгерским», «турским» и «турским в Венгерской земле». Только Сатмаро, расположенный южнее района восстания, помечен как «цесарский в венграх город». Очевидно, для переводчиков и в этом случае фактическое владение территорией оказывалось важнее, чем ее юридическая принадлежность. Офен (Будда), лежащий в венгерских владениях Турции (резиденция будинского пашы), сопровождается пометой «в венгерской земле турский город», а лежащий уже в Сербии Белград в одном месте назван «турским», а в другом «венгерским».

Переводчики Посольского приказа могли применять название Нидерланды и к испанским владениям, и к Голландским штатам (например, в пояснениях к названиям «Нимвеген» и «Гага»). Однако, когда речь шла об испанских владениях, перед словом «Недерланды» всегда шло указание, что они «гишпанские». Среди голландских городов точно удалось определить Лейден, Утрехт, Маастрих и Гарлем. Два первых локализованы переводчиками правильно. Маастрих назван французским, поскольку до подписания Нимвегенского мира (1678 г.) его занимали французские войска. Рядом с названием «Гарлем» переводчик поставил помету: «в цесарской земле». Ошибочно был определен как голландский г. Аlost, находившийся в испанских Нидерландах.

Удалось также идентифицировать десять населенных пунктов на юге Франции, а так же в испанских Нидерландах — районах, где шли боевые действия между голландцами, испанцами и французами. Шесть из них были правильно помечены переводчиками в соответствии с тем, кто эти территории в данный момент занимал. Ошибки были допущены в отношении Перона, Валенсьона и Камбре, которые переводчик определил как лежащие «в Брабанской земле». На самом деле эти города расположены к югу от Брабанта. Была допущена ошибка и в отношении Люксембурга. Переводчик, очевидно, перепутав его со Страсбургом, написал, что город «бывал цесарский и французы взяли его обманом». Причем в двух других случаях название Люксембурга было прокомментировано правильно. Из других французских городов удалось идентифицировать еще шесть, пять из них были прокомментированы правильно. Трудности у переводчиков возникли с Каннами. В зависимости от содержания статей их называли то французскими, то итальянскими.

В Италии переводчикам Посольского приказа лучше всего были известны Рим и Венеция. К Папской области они совершенно правильно отнесли Болонью (два упоминания). Принадлежащую Венеции Верону они поместили как итальянский город, не упоминая ее владельца. Зато Далмация в пометах названа «виницейский»; и «тою землею владеют половиною турки, половиною венециане». Неаполь, центр испанских владений в Италии, помечен четырежды — как итальянский, «шпанский», «шпанский во Италии» и «во Италии короля гишпанского», что, как уже отмечалось, в чистовике исправлено на «во Италии французский город».

Вероятно, под «Маландией» и «Маландом», которые переводчик поместил в Италии, нужно понимать принадлежащий Испании Милан. Монферрат, владения герцога Мантуанского, обозначен просто как итальянский. Ливорно, владения великих герцогов Тосканских, объяснялось один раз как «итальянской», другой — «флорентийского князя» (в первой половине XV в. Медичи, правители Флоренции подчинили себе Тоскану, и в 1569 г. они стали великими герцогами Тосканскими, к ним неоднократно посылались посольства из Москвы³⁰, эти посольства проезжали через Ливорно³¹), а третий — как турецкий город. Турин, столица Савойи, дважды упоминался как итальянский, а один раз переводчик отметил, что город находится «на французских рубежах».

На страницах курантов нашли отражение и топонимы стран Пиренейского полуострова. В самой Испании, кроме Мадрида, который помечали как «гишпанский» или «стольной город

гишпанский», переводчики правильно отметили Аликанте, а испанскую Малагу поместили в Италии. Еще хуже обстояли дела с Португалией. В одной из корреспонденций переводчик, опираясь на контекст статьи, назвал «Португилию» «вольное княжество под французским королем». Лиссабон один раз был определен как португальский, другой — как испанский.

Швейцария получила у переводчиков Посольского приказа определение «вольной речи посполитой». Топография отделинной от Европы Ла-Маншем Англии в курантах представлена очень плохо. Тем не менее, переводчик правильно пометил шотландский Эдинбург.

Сходным образом подойдем к анализу *физической географии* курантов. Эти топонимы интересовали слушателей курантов прежде всего с точки зрения политики. Объекты физической географии: реки, моря, острова и т. д. — играли в курантах вспомогательную роль. Наиболее крупные географические объекты, упоминаемые в курантах — моря. В текстах сообщений по одному разу упоминаются без комментариев Черное, Хвалынское, Варяжское, Адриатическое моря. Средиземное море упоминается дважды как Восточное и как восточное Белое море. Кроме того, в комментариях к другим названиям один раз встречено название Варяжского моря и десять раз Средиземного (как Белое и как Средиземное). То, что Черное, Хвалынское и Варяжское моря были известны членам русского правительства, вряд ли может вызвать сомнения. Массовое использование названий Средиземного моря в пояснительных пометах переводчиков также позволяет предположить, что о его расположении (и значении) в Москве очень хорошо знали.

Хуже обстояло дело с лежащими в этих морях островами и проливами. Уже говорилось, что название «Босфор» было объяснено как «некое море», а затем и вовсе вычеркнуто. Название другого пролива, Зунда (Зунт), дважды встречено в заголовках (с комментариями) и семь раз в тексте (с комментариями трижды). Его, в зависимости от контекста сообщения, называли датским или шведским. Только в одном из пяти случаев комментарий был более подробным и точным — «пролив из Варяжского моря в окиян меж Датской и Шконской землею». В куранты попали также названия почти всех крупных островов Балтийского моря: Готланд, Эланд, Борнхольм и Рюген. Последний 17 раз упоминается в текстах сообщений в связи с военными действиями между Швецией и Данией. В 35,29 % случаев название острова сопровождается комментариями. Его принадлежность шведскому королю была обозначена совершенно правильно. В 1677 г., когда шведские войска были вытеснены с Рюгена, переводчик отметил, что остров «был свейской, а ноне датского короля». Шведские Готланд и Эланд упомянуты соответственно два и один раз. Причем Эланд и в одном случае Готланд помечены как датские. Обе пометы связаны с контекстом статей. Определить, знал ли переводчик о юридической принадлежности этих островов Швеции, невозможно. Датский Борнхольм дважды упомянут с правильными пометами.

Среди островов Средиземноморского региона чаще всего упоминается остров и одноименная крепость Кандия (Крит, семь упоминаний в тексте статей). Четыре раза переводчики снабжали этот топоним комментариями — дважды «турской», «турской на Белом море» и «на том же море» (Белом). Трижды упомянут Хиос (Сцио) — «турской» (дважды) и «турской на Белом море». Из средиземноморских островов, не попавших под турецкое владычество, больше всего упоминаний о Мальте — четыре, из них три с комментариями. Первый наиболее интересен: «вольной остров на Средиземном море, а живут на нем христианские ковалеры». Два других: «вольной на Средиземном море» и «на Белом море». Как топоним можно рассматривать и объяснение понятия «мальтийские рыцари» — «рыцари собственные». Упоминается в текстах испанская Сицилия (пять случаев с одним комментарием) и венецианский остров Корфу с пометой «на Белом море».

Другой крупной группой объектов физической географии являются реки. Среди них регулярно встречается Днепр. Однако вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что эта река была хорошо известна представителям политической элиты России. Поэтому подсчеты по этому названию не проводились.

³⁰ Обзор посольских книг из фондов — коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.) / Сост. Рогожин Н. М. М., 1990. С. 114.

³¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1896. Ч. 2. С. 246, 271.

Из других европейских рек наиболее часто (45 раз) упоминается Эльба или Нижняя Эльба. Все упоминания, кроме двух, относятся к заглавиям статей. В 81,4 % случаев это название осталось без комментариев. В двух случаях оно комментируется с уточнением: «под Амбурком», «близь Амбурха», в единственном случае — «в немецкой земле под Амбурком». Любопытно, что слово «Гамбург» встречается в заглавиях без комментариев в 89,3 % случаев, почти так же как «Эльба». В текстах статей помет к названию Эльба не встречается. Очевидно, название этой реки было хорошо известно благодаря интенсивным торговым контактам России со стоящим на ней Гамбургом.

Рейн в Москве знали хуже. В курантах он упоминается 11 раз, в том числе трижды в названиях статей. Один раз в заглавии и один — в тексте статьи этот топоним снабжен комментариями — «в цесарской земле» и «в цесарской». Дважды название Рейна использовано для объяснения места расположения других географических объектов. Недостаток статистических данных не дает возможности однозначно определить степень известности этой реки в России. Скорее всего, ее можно причислить к группе топонимов, в отношении которых переводчики колебались, хотя не исключено, что Рейн можно отнести и к числу хорошо известных русской политической элите рек. Это кажется вероятным, если учесть пристальный интерес Москвы к военным действиям между Францией и Священной Римской империей, проходившим в основном вблизи Рейна.

Дунай куранты упоминают четырнадцать раз (дважды в заглавиях и двенадцать раз в текстах статей), всегда без комментариев, хотя то, что название этой реки было в России хорошо известно, вряд ли стоит специально доказывать. Трижды упоминается в курантах Майна (с двумя пометами) и один раз (с пометой) — Мозель. Переводчики совершенно справедливо отметили, что эти реки протекают «в цесарской земле».

Изучение топонимики курантов позволяет выделить следующие области знаний политической географии, а следовательно, зон политических интересов русского правительства. Очень хорошо были известны непосредственно прилегающие к границам России Польша и Восточная Прибалтика. Царь и члены Боярской думы знали здесь все наиболее важные с экономической и политической точек зрения города, а специалисты Посольского приказа без ошибок давали пояснения ко всем названиям.

В Москве также хорошо знали политические и экономические центры «Мира Европы»: Рим, Царьград, Вена, Венецию, Амстердам и Гамбург, а так же менее значительные с «общеевропейской» точки зрения, но географически близкие к России и тесно с ней связанные Королевец (Кенигсберг) и Стокгольм. Интерес русского правительства к ближайшим европейским соседям и к крупнейшим геополитическим центрам можно охарактеризовать как непосредственный и острый.

Вторую зону — меньшего, но все же устойчивого интереса — составляют крупные государства Европы: Англия, Франция, Голландия, Дания, курфюршество Бранденбург. Царь и члены Боярской думы знают, хотя и не в полной мере, названия их столиц. Переводчики в большинстве случаев справляются с комментариями к названиям городов, расположенных на территории этих государств. Сюда же следует отнести территории наследственных владений австрийских Габсбургов, Венецианской республики и Папской области в Италии. К этой же группе примыкает Испания. Название государства в Москве знали хорошо, но топоним «Мадрид» переводчики все же предпочитали пояснять.

Остальная часть Европы была вне границ географического кругозора большей части думных чинов. Переводчики же Посольского приказа представляли окружающий мир гораздо лучше своего начальства, хотя в отношении территорий большей части курфюршеств, архиепископств и вольных городов Священной Римской империи они уже могли допускать ошибки. Лучше всего переводчики знали Бранденбург и Саксонию, с которыми Россия в XVII в. поддерживала регулярные дипломатические связи³², а также Померанию, где в этот период шли активные боевые действия между Швецией и ее противниками. При идентификации владений географически близкого к России,

³² Там же. С. 17–19; Обзор посольских книг из фондов — коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). С. 81, 82.

но политически пассивного Мекленбурга у переводчиков возникали серьезные проблемы. Общая закономерность заключается в том, что чем дальше на запад располагалось курфюршество и чем менее активную политику оно вело, тем хуже его знали в Москве. Пометы показывают двойственное отношение переводчиков к Империи. С одной стороны, в ней видели крупнейшее государство Европы, с другой — понимали эфемерность ее единства. Общие представления приказных специалистов о структуре Цесарской державы представляются не очень четкими.

Во Франции, Голландии и Испанских Нидерландах переводчики (за исключением Парижа, Гааги, Амстердама и Нимвенена) лучше всего представляли районы боевых действий.

Довольно плохо переводчикам Посольского приказа был известен юг и юго-запад Европы. Политически активная, интенсивно развивавшаяся в конце XVII в. Савойя переводчику Посольского приказа была неизвестной. Даже крупное государство Португалия в одном случае было определено ошибочно.

В связи с комментированием географических названий курантов хочется сказать несколько слов о характере политико-географических познаний специалистов Посольского приказа. Его можно определить как переходный от опытного, эмпирического, к собственно научно-профессиональному. В Посольском приказе не была отлажена система проверки работы переводчиков. В результате название, получившее правильное определение в одном месте курантов, в другом случае могло быть идентифицировано ошибочно. Особое удивление вызывает ошибка при идентификации Португалии. Подробные сведения об этом государстве содержались в статейном списке А. А. Виниуса³³, который ведал доставкой в Посольский приказ иностранных газет. Несмотря на наличие справочного материала, посольские переводчики при составлении комментариев во многом ориентировались на содержание статей курантов. Это иногда приводило к серьезным ошибкам.

В других случаях мы видим, что в работе переводчиков используются и знания научного характера. Среди них познания в политической истории (при указаниях предыдущего владельца территории и т. д.) и, вероятно, знание географических карт. Их присутствие в архиве посольского приказа отмечает опись 1673 г.³⁴ Само наличие в Посольском приказе значительного количества карт и атласов позволяет думать, что их использовали. Кроме того, в курантах присутствовали комментарии с использованием слов «под» и «над» — «турской над морем (Средиземным — Авт.)», «под Амбурхом», «над Муром рекою». Слова «под» и «над» отражают понятия севера и юга на карте. Именно пользованием картами недостаточно крупного масштаба можно объяснить «перепрыгивание» на соседнюю территорию расположенных близ границ населенных пунктов.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что члены русского правительства в период правления Федора Алексеевича в целом неплохо представляли себе политическую географию Европы. Вряд ли этот интерес имел абстрактный характер. Содержание курантов, в которые регулярно включались известия из Польши, Швеции, Дании, Бранденбурга, Священной Римской империи германской нации, Турции, Венеции, Рима и других итальянских городов, Франции, Испании, Голландии, Англии, а так же (изредка) из Португалии, Швейцарии, с Мальты, из Америки, Индии, Китая, Индонезии и других стран свидетельствует, что московские политики хорошо осознавали связь между политической ситуацией в Европе в целом и положением дел на русских границах.

Следует отметить, что члены русского правительства и сотрудники Посольского приказа гораздо лучше представляли регион Балтийского моря, чем Средиземного. Проблема черноморских проливов, столь актуальная в будущем, в XVII столетии еще не была осознана в Москве, тогда как значение Зундского пролива прекрасно понимали. Куранты показывают, что связи между Россией и европейскими странами активнее развивались в западном и северо-западном направлении, чем в юго-западном. Возможно, что этот факт позднее оказал влияние на политику Петра I.

³³ Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 г. // ТОДРА. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 358.

³⁴ Опись архива Посольского приказа 1673 года / Сост. Гальцов В. И. Под ред. Шмидта С. О. М., 1990. Ч. 2. С. 520.

Передо Александром Князем
Твердымъ Рюрикъ сынъ Князь
Тристанъ въ великому отцу
Викентьевъ во. рге. Погд
спрвдъ въ, рге
Ивтыны Князь, 81.

Александръ Князь Псковъ
Наряды Елизаветъ Ивановъ
Полковникъ Рюрикъ сынъ
првдъ, Князь Князь
Иванъ сынъ Князь
Паша. Илья Князь
Лже Владимировъ Князь
Судовъ въ. Иванъ Князь
Илья Князь. Топографическо
Полю Топографическо
Князь Князь Князь
Князь Князь Князь
Князь Князь Князь

Иванъ Князь Князь Князь
Князь Князь Князь
Князь Князь Князь